

АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ ПРОКОПЬЕВ

УДК 284.1

д. ист. н., профессор, Институт истории,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Менделеевская линия, д. 5, Санкт-Петербург, Россия, 199034)
prokopiev65@mail.ru

***СВЕТСКАЯ И ДУХОВНАЯ ВЛАСТЬ
В РАННЕЙ ЛЮТЕРАНСКОЙ ОРТОДОКСИИ:
ПОЛИКАРП ЛЕЙЗЕР СТАРШИЙ (1552–1610)***

К числу важнейших направлений в публицистике ранней ортодоксии следует отнести проблему соотношения духовной и светской власти. Актуальность темы для той эпохи определялась спецификой формирования конфессионального общества в Германии второй половины XVI в. Строительство новых структур лютеранской церкви требовало теоретического осмысления отношений между духовенством и княжеской властью. Герцогство Вюртемберг выступало здесь особенно показательным примером: многие представители вюртембергского пастората с успехом делали карьеры в других протестантских землях. Поликарп Лейзер Старший, сыгравший большую роль в становлении лютеранской церкви курфюршества Саксонии, был характерным представителем ранней ортодоксии. В его проповедях постоянно подчеркивалась идея автономного сосуществования духовной и светской власти на основе конфессионального единства и светской и духовной элиты. В последующем политические воззрения ортодоксии повлияли на лютеранское богословие эпохи Пиетизма.

Ключевые слова: конфессионализация, Вюртемберг, Саксония, Тюбинген, Дрезден, лютеранская ортодоксия

Статья написана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 15-31-01009 а1 «Печать и коммуникативные практики конфессиональной эпохи: Центральная Европа и Прибалтика»).

ANDREY YUR'EVICH PROKOPIEV

Doctor in History, professor, Institute of History,
Saint-Petersburg State University
(Mendeleevskaya linia, 5, Saint-Petersburg, Russia, 199034)
prokopiev65@mail.ru

*SECULAR AND SPIRITUAL POWER
IN THE EARLY LUTHERAN ORTHODOXY:
POLYKARP LEYSER THE ELDER (1552–1610)*

One the major trends in the literature of the early Lutheran Orthodoxy is the problem of correlation of spiritual and secular powers. The topic was quite actual within the background of developing of confessional societies in Germany in the second half of the 16th century. Constructing new structures Lutheran Church required theoretical understanding of relations between the clergy' and the princes' power. The Duchy of Württemberg is a particularly vivid example, because many representatives of the Württemberg parsonage successfully made career in other Protestant lands. Polycarp Leiser the Elder, who played a major role in the establishment of the Lutheran Church in the Electorate of Saxony, was a typical representative of the early orthodoxy. The article carefully studies his sermons preached mainly in commemoration of the court's nobles, and a summary of the preacher's ideas is made. In his sermons Leiser constantly emphasized the idea of autonomous co-existence of the spiritual and secular powers that was grounded on the unity of secular and spiritual elite. His political views typical for the Orthodoxes influenced on the Lutheran theology of the pietism era.

Key words: confessionalisation, Württemberg, Saxony, Tübingen, Dresden, Lutheran Orthodoxy

Во второй половине XVI в. во многих лютеранских землях Германии выросло целое поколение людей, для большинства которых уже не стояла проблема религиозного выбора — в отличие от их предшественников. Возникло главное условие для формирования того, что современные историки называют «конфессиональным обществом»: паства, воцерковленная в традициях новой веры. Таковы законы развития всех мировых религий — становление догмы сменяется фазой соединения догмы с обществом. Рождалась собственно Церковь как социальный институт. Главным условием успешного единения становилось максимально полное растворение личности в церковной повседневности, и светская власть была призвана в этом помочь, если сама она уже сделала свой религиозный выбор.

Мы видим удивительный феномен «новой христианизации» княжеств, городов, деревень, жители которых выросли в реалиях иного духовного мира, нежели их предки. Новые условия требовали и нового поколения целеустремленных в вопросах веры властителей и пастората, решительных бойцов за чистоту и строгость церковных уставов. Слово духовных наставников, проповедь, поучения обретали теперь огромную роль, ничуть не меньшую, чем в годы первых реформационных битв¹.

Земли герцогства Вюртемберг можно было смело отнести к одним из самых показательных для процесса конфессионализации. Географически располагаясь подле католических анклавов Баварии, франконских епископств и аббатств, в соседстве с владениями Габсбургов, оторванные от сердцевинных областей Реформации в центральной и северной Германии, тамошние герцоги вынуждены были с удвоенной энергией озаботиться внутренней и внешней прочностью своих владений. В правление Христофора (1550–1568) были заложены основы лютеранской церковной организации. Появление церковного уложения 1559 г. и реформа тюбингенского университета, секуляризация нескольких десятков монастырей

¹ См. в общих чертах: Лурье З. А. Лютеранский драматург в эпоху Реформации: Опыт коллективного портрета // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени. СПб., 2015. Вып. 12. С. 166–186.

и создание надзорных правительственных инстанций призваны были утвердить каркас конфессионального общества. Одновременно выступило и новое поколение решительных и талантливых богословов, пером и словом подкреплявших церковное здание².

Было, впрочем, условие, придававшее религиозному развитию особую динамику. Оно коренилось в особенностях общественных структур. Сословный мир южной Германии был чрезвычайно насыщен, переплетен и сжат в тугую узел густой сетью родственных, деловых и статусных отношений. На протяжении веков в Швабии, Баварии, в верховьях Рейна, Тирольском предгорье соседствовали семьи крестьян, дворян, горожан и клира. Столетиями они держали родовые гнезда, говорили на схожих диалектах, роднились друг с другом, служили друг другу и создавали обширные горизонты «своейства», пространство давних фамильных интересов. Между уроженцами Вюртемберга и их соседями складывались важные каналы общения, взаимовлияния, наконец, подобие информационного пространства. Неслучайным, например, здесь стал феномен крестьянского движения 1525 г., стремительно охватившего громадные просторы Швабии, Франконии и Тироля. Подобный размах был бы немислим в условиях строгой локальной изоляции, полного торжества «местечковости» и информационного голода³.

² Обзор региональной истории в эпоху Реформации и конфессионализации: Weller K., Weller A. *Württembergische Geschichte im südwestdeutschen Raum*. Stuttgart, 1972; Marquardt E., Eschenburg Th. *Geschichte Württembergs*. Stuttgart, 1985; Weber R., Wehling H.-G. *Geschichte Baden-Württembergs*. München, 2012. S. 31–36; Ehmer H. *Württemberg // Die Territorien des Reichs im Zeitalter der Reformation und Konfessionalisierung. Land und Konfession 1500–1650*. Bd 5. Münster, 1993. S. 173–177; Mertens D. *Württemberg // Handbuch der baden-württembergischen Geschichte / Hrsg. von M. Schaab, H. Schwarzmaier*. Bd 2. Stuttgart, 1995; Прокопьев А. Ю. Сакральная миссия границы: Вюртемберг в конфессиональную эпоху // *Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени / Под ред. Г. Е. Лебедевой*. Вып. 9. СПб., 2012. С. 107–129.

³ Общие представления о позициях различных региональных групп: Blickle P. *Landschaften des Alten Reichs*. München, 1973; Schneider J. *Spätmittelalterlicher deutscher Niederadel. Ein landschaftlicher Vergleich*. Stuttgart, 2003.

Религиозный раскол беспощадно ударил по казалось бы давно сложившемуся миру связей и интересов. Он разрывал, обрушивал и расчищал путь новым ориентирам, провоцировал миграцию и новые контакты. Для Вюртемберга перемены имели особенное значение, поскольку стали пробой на прочность сложившегося фундамента. Общественная элита герцогства, представленная помимо дворянства управленческой верхушкой городов и сельских обществ, образовывала по понятиям того времени влиятельную фалангу «достойных» — «Ehrbarkeit»⁴. Сделав религиозный выбор, она должна была во что бы то ни стало сохранить свои позиции.

Именно продуктом подобных перемен стало новое поколение протестантского пастората второй половины XVI в. К нему же следует отнести и нашего героя Поликарпа Лейзера Старшего (1550–1610)⁵.

Будущая знаменитость словно бы воплощала особенности вюртембергского общества. По линии матери — Маргареты Энтрингер — Лейзер выступал отпрыском известной и состоятельной купеческой семьи из Тюбингена. В то же время мать приходилась родственницей Якобу Андреа, имя которого стало известным спустя годы на богословском поприще:

---

⁴ Характерные черты вюртембергской элиты: Haug-Moritz G. Die württembergische «Ehrbarkeit». Annäherungen an eine bürgerliche Machtelite der Frühen Neuzeit. Ostfildern, 2003; Kühnle N., Auge O. Zwischen «Ehrbarkeit» und Landesherrschaft. Städtische Entwicklung im spätmittelalterlichen Württemberg // Zeitschrift für Württembergische Landesgeschichte. 2012. N 71. S. 107–128; Kühnle N. Vom «Armen Konrad» zum Tübinger Vertrag. Die württembergische Funktionseélite im Spannungsfeld von Landesherrschaft und «Gemeinem Mann» // «Armer Konrad» und Tübinger Vertrag im interregionalen Vergleich. Fürst, Funktionseéliten und «Gemeiner Mann» am Beginn der Neuzeit / Hrsg. von S. Hirbodian, R. Kretzschmar und A. Schindling. Stuttgart, 2016. S. 291–323.

⁵ Написание фамилии Лейзер было разным (Leyser, Leiser, Liser). Сам Лейзер подписывался первым вариантом, он же считается сегодня общепринятым. Новые биографии и характеристика его деятельности: Sommer W. 1) Die lutherischen Hofprediger in Dresden. Grundzüge ihrer Geschichte und Verkündigung im Kurfürstentum Sachsen. Stuttgart, 2006. S. 115–133; 2) Der Einfluss der Hofprediger auf die kursächsische Politik // Die sächsischen Kurfürsten während des Religionsfriedens von 1555 bis 1618 / Hrsg. von H. Junghans. Stuttgart, 2007. S. 297–310; 3) Politik, Theologie und Frömmigkeit im Luthertum der frühen Neuzeit. Göttingen, 1999.

именно Андреа стал одним из творцов формулы Согласия в 1577 г.⁶ Отец же Поликарпа Каспар подвизался на духовной стезе, служил пастором в родном для семьи Виннендене и позже перебрался в Блаубойерн. Ничто не изменила во влиянии духовного вектора его кончина, последовавшая в 1554 г. Второй брак матери словно бы подчеркивал неизменное преемство. Ее избранником стал Лука Осиандер, личность не менее известная, чем Андреа. Отчим Поликарпа оказался прямо причастен к реформам вюртембергского пастората, отличался кипучей деятельностью, мастерским слогом и любовью к музыке⁷. Его и Андреа, бесспорно, следует отнести к столпам первого поколения лютеранской ортодоксии в Швабии.

Хлебосольный дом Лейзеров символизировал завещанное Писанием: маленький Поликарп внимал мудрым словам отца, отчима и многочисленной родни. Суровые лики наставников с библейскими бородами сопровождали его всю молодость. Духовное и мирское, и оба — в приличном значении — лежали у истоков его карьеры. Но было и еще одно обстоятельство, позже заявившее о себе: Лейзеры были уроженцами Вюртемберга лишь в немногих поколениях. Корни старинной фамилии лежали в соседней Австрии. И, видимо, связи с родственниками, правда, весьма дальними, будут ощущаться и позже, когда дело дойдет до первых назначений магистра Поликарпа. Так духовное и светское «Ehrbarkeit» готовило почву к будущему.

Вполне возможно, жизненная стезя нашего героя могла ограничиться подобием отцовской карьеры без особого рывка и больших надежд. Отец — глашатай чистого учения времен смут и лихолетья Шмалькальденской войны, неясного будущего самого Вюртемберга, находившегося даже после 1534 г. в тени

⁶ Биография и деятельность Андреа: Weismann Chr. Auf Kanzeln, Kathedern und in Kutschen. Jakob Andreae als Universitäts- und Kirchenpolitiker // Die Universität Tübingen zwischen Reformation und Dreißigjährigem Krieg / Hrsg. von Ulrich Köpf, Sönke Lorenz und Dieter R. Bauer. Ostfildern, 2010. S. 119–140; Ludwig U. Philippismus und orthodoxes Luthertum an der Universität Wittenberg. Die Rolle Jacob Andreaes im lutherischen Konfessionalisierungsprozess Kursachsens (1576–1580). Münster, 2009.

⁷ Wagenmann B. Osiander // Realenzyklopädie für protestantische Theologie und Kirche. Bd 14. Leipzig, 1904. S. 509–512; Ehmer H. Osiander, Lucas d. Ä // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon. Bd 6. Herzberg, 1993. Sp. 1299–1304.

могущественного имперского дома. Но годы мира и стабильности позволяли герцогской власти озаботиться университетской реформой. Тем более, что большого выбора здесь быть не могло. С 1477 г. лишь университет Тюбингена мог считаться единственной и главной кузницей ученых и административных кадров герцогства. Вполне понятно, что объектом преобразований становилась сама утопающая в утренних туманах и тиши швабских Альп тюбингенская *alma mater*. Богословский факультет в мрачном здании, примостившемся меж набережной Неккара и крутым подъемом к церкви св. Георга подле студенческой бурсы, должен был стать важнейшим институтом в структурах княжеской власти, помощником в духовных делах и опорой государева авторитета. Напомним, декан богословского факультета одновременно являлся канцлером университета и членом Церковного совета при герцогской особе⁸. Сам же факультет выступал главным поставщиком хорошо подготовленного духовенства для окормления провинции, подчас далекой: позже сотни питомцев Тюбингена будут наставлять протестантские общины Австрии, Тироля, далеких восточных регионов и даже Балкан. Имя Примуса Трубера — протестантского реформатора Словении станет здесь весьма показательным⁹.

Иными словами, появление Лейзера в университетском Тюбингене, вероятно по протекции именитых родственников не должно удивлять. С другой стороны, оно стало ключевым трамплином для карьерного прыжка. Юный воспитанник был обречен проникнуться той весьма особенной духовной аурой, взлелеянной тогда в университетской столице Вюртемберга. Для лютеранского Вюртемберга годы мира после 1555 г. означали долгий путь «выживания» в полукольце католических земель. Ощущение неприступной, вечно запертой крепости

⁸ Место Тюбингенского университета в структурах лютеранского Вюртемберга: Rudersdorf M. Tübingen als Modell? Die Bedeutung Württembergs für die Vorgeschichte der kursächsischen Universitätsreform von 1580 // Zwischen Wissenschaft und Politik. Studien zur Universitätsgeschichte. Festschrift zum Eike Wolgast zum 65. Geburtstag / Hrsg. von A. Kohnle, F. Engenhäusen. Stuttgart, 2001. S. 67–85.

⁹ Primus Truber. Der slowenische Reformator und Württemberg / Hrsg. von S. Lorenz, A. Schindling. Stuttgart, 2011.

сказывалось на духе вюртембергского протестантизма с его подчеркнутым стоицизмом, несгибаемостью и назидательностью. Здесь же росла и оборотная сторона «порубежности»: готовность помочь единоверцам повсюду в Германии и за ее пределами¹⁰. Возникал своеобразный эффект миссионерства, востребованности у единоверцев. Иными словами, оказаться на богословском факультете Тюбингенского университета означало закалиться в вере в строгих формах уже обозначившейся ортодоксии и видеть в будущем скорее всего пасторское призвание за рубежами родных земель. В княжестве, уже насыщенном и перенасыщенном духовным элементом, найти себе место представлялось чрезвычайно сложным. Особенно когда в сердце бурлила кровь и пульсировало предчувствие большого будущего.

Талантам молодому человеку было не занимать. Рано обнаружился дар емкого, красочного, доступного пониманию простых людей слова. И позже, в пламенных речах при дворах высоких особ, без толики стеснения магистр Поликарп выстраивал яркие, лаконичные и убедительные смысловые конструкции. Возможно, дар слова достался от родственников. У Андреа и Осияндра сложные богословские обороты всегда обретали понятные, простые формы в проповедях для несведущих. Оба творили как популяризаторы Писания и нового учения. То же следовало бы отнести и доктору Иоганну Бренцу, «апостолу Евангелия» в Вюртемберге. При всех различиях их объединяло одно: стремление завоевать сердца паствы, убедить и повести за собой. Объединяло и одно поколение, выросшее в тяготах борьбы и тревогах за будущее, когда всякий час надобно было быть готовым к Армагеддону, к решающему поединку с силами зла и «папистских» супостатов и сектантов — «кальвиниан». Пережитое в дни Шмалькальденской войны 1546–1547 гг., Аугсбургского Интерима и новых испытаний начала 1550-х гг. не только закаливало души, но и приучало к формам диалога и дискуссии, в которых все больше проглядывали железные нотки неуступчивости и дидактики, жесткого нравовоучения.

¹⁰ Прокопьев А. Ю. Сакральная миссия. С. 117–118.

Наконец, родственники и старшие наставники были чрезвычайно плодovitы на литературную деятельность и печать. Быть пастором на заре ортодоксии означало постоянно готовить проповеди и писать по несколько часов в день, чтобы позже озвучивать тексты на кафедре перед собравшимся приходом. Сегодня часто анализируют творчество ортодоксов в структурных категориях, в которых (быть может, против воли самих историков) пропадает то первичное, что ощущалось в их повседневности. А оно заключалось в постоянной работе мысли, готовности к полемике, близости пера и рабочего стола. Никогда прежде, даже в канун Реформации и даже в годы ее прогресса мы не видим такой одержимости писательским трудом. Лютера больше не было рядом, как скоро не станет и его ровесников, соратников по борьбе. Но остался не только Завет пророка в канун судного дня. Остался символ неустанного труда: его рабочий стол в Виттенбергском жилище. Неслучайно именно к этому рабочему столу, в лютеров кабинет начнется настоящее паломничество тотчас после 1546 г. И равным образом в схожей мемориальной функции будут выступать жилища других реформаторов — прежде всего, Меланхтона. Не само жилище и не частные покои, но именно рабочий кабинет будет конструировать материальную форму этой мемории, ее структурный центр. От вартбургской кельи до виттенбергской резиденции тянется первый отрезок зримой сакрализации труда в новой лютеранской этике. Духовная сила здесь воплощалась не в месте мистического чуда и не в реликвии как знаке чуда, а в его инструменте: в пере, бумаге и письменном столе. Очень быстро этот новый угол зрения, продукт новой веры, в многообразии форм обретет себе нишу во всех сословиях.

Писать и публиковать становилось и важным и престижным. Со способностями к творчеству напрямую сопрягался карьерный рост. Молодой Поликарп, видимо, отдавал себе в этом прекрасный отчет. С тяжким трудом на этом поприще он был хорошо знаком сызмальства, созерцая его в неустанном подвижничестве родни.

Но важен был и пример сверстников. Здесь мы обнаруживаем еще один канал созидания личности: дружбу с теми, кто

позже заявит о себе на духовной стезе вместе с Лейзером. Нам известно, что в Тюбингене Поликарп впервые сойдется с человеком, который вскоре станет одним из первых вдохновителей старой ортодоксии — Эгидием Хуннием¹¹. Конечно, мы вынуждены лишь догадываться о том, что конкретно почерпнул Поликарп из дружбы с будущим светилом. Но осмелимся предположить: имея на то добрые задатки, Лейзер мог их сильно развить, видя перед собой столь яркий пример неутомимо творчества и прекрасного литературного слога. Оба прекрасно владели латынью и оба отличались способностью писать и говорить понятно для недалекой паствы. И оба же разделяли строго ортодоксальные позиции по спорным богословским вопросам.

Имелась и протекция со стороны близких. Неудивительно, что среди них мы снова видим Якоба Андреа, благоволившего обоим: с Хуннием его сближало родство по линии матери, а с Лейзером — особенно дружба с его покойным отцом. Еще в 1554 г. он совместно с Каспаром Лейзером представил герцогу Христофору предложения учредить в Вюртемберге надзорные консистории по образцу реформатских в Женеве. Молодой Поликарп, вероятно, был привязан к обоим. Там же в Тюбингене он встретит Мартина Хемнитца, которому, как и Андреа, предстояло быть у истоков Формулы Согласия и дружбой с которым Лейзер будет стол сильно гордиться в последствии.

Сближало и происхождение. Лейзер был земляком Хунния: оба родились в Веннингене, причем на крестинах маленького Эгидия выступал будущий отец магистра Поликарпа. Сам же Хунний, безусловно, может считаться «социальным продуктом» элиты, той же «Ehrbarkeit», как и Лейзер. Его предки служили бургомистрами в родном Виннингене, а его отец числился знатным красильщиком. Пожалуй, в этом дуэте мы встречаем настоящих социальных близнецов. Идеальный вариант для будущей успешной совместной карьеры!

¹¹ Новая биография Хунния: Mahlmann Th. Hunnius Ägidius (1550–1603). Theologische Realenzyklopädie. Bd 15. 1986. S. 703; Matthias M. Theologie und Konfession. Der Beitrag von Ägidius Hunnius (1550–1603). Zur Entstehung einer lutherischen Religionskultur. Evangelische Verlagsanstalt. Leipzig, 2004.

Двигали вперед и новые возможности, взлелеянные княжеской властью. Лейзер и Хунний стали стипендиатами университета: денежное поощрение талантливых молодых людей входило в планы герцога Христофора. Путь вперед открывала комбинация личных талантов и материальной основы.

Оба были готовы покинуть Вюртемберг по окончании университета. Было очевидно, что немецкие земли второй половины реформационного века нуждались в профессиональных духовных кадрах. Маленькому Вюртембергу и его единственному университету это оказалось по плечу: сотни питомцев, как уже отмечалось, укрепляли веру в Св. Евангелие и обретали новую нишу во владениях соседних династов. Хунний, старший годами и, видимо, тогда более заметный, устремился в Гессен, где его ожидала тяжелая работа по церковному объединению уже расколотого наследства Филиппа Великодушного. Лейзер же в 1573 г. отправился в Австрию, как мы видели, также не совсем чужую для него, где жили дальние родственники. Он опекал приход в Геллерсдорфе, неподалеку от Вены. Что более важно — его патроном и инициатором приглашения стало известное в наследственных землях Габсбургов лицо: наследный трухзесс фон Пуххайм, один из ревностных поборников лютеранства в Нижней Австрии. Видимо, тогда же завязались тесные связи с австрийским протестантским дворянством и духовенством: то были годы необычайной толерантности на имперском престоле. Максимилиан II не желал открыто преследовать тех, кому симпатизировал с молодых лет¹².

Но настоящий судьбоносный поворот случился в конце 1570-х. гг. и был он связан с Саксонией. Примечательно, что он вовлечет обоих — и Хунния, и Лейзера. К тому времени оба (причем в одно время) стали докторами богословия (1576). Для большинства крупных лютеранских княжеств в канун подписания Формулы Согласия наступила пора новой административной перестройки, теперь уже на почве осознания ясной

¹² Характеристика правления и религиозных воззрений Максимилиана II: Mecenseffy G. Maximilian II. in neuer Sicht // *Jahrbuch der Gesellschaft für die Geschichte des Protestantismus in Österreich*. 1976. N 92. S. 42–53; Rudersdorf M. Maximilian II 1564–1576 // *Die Kaiser der Neuzeit 1517–1918*. München, 1990. S. 78–97.

догмы. У Хунния в Гессене дела явно не ладились: его усилия, направленные на достижение церковно-административного единства ландграфства, обернулись спорами и острыми конфликтами. Причина коренилась в слишком сильно выраженном смешанном характере протестантской модели в гессенских землях. Северные из них с центром в Касселе все более склонялись в сторону кальвинизма, а южные тяготели к ортодоксии. Лишь окончательно обосновавшись в Марбурге под покровительством Людвига IV, консервативного лютеранина, Хунний смог обрести временный покой¹³.

Протестантские князья отдавали себе ясный отчет в том, что единство веры, подданных и династии можно было гарантировать лишь на почве стройного административно-церковного каркаса с сильными регулирующими механизмами. Наступил 1577 г. — год подписания формулы Согласия. С трудом выработанная догма требовала четкого соблюдения в повседневной жизни. Для Хунния, получившего приглашение в Марбург еще в 1574 г., это стало звездным часом: наконец-то он мог осуществить задуманное в полной мере. Максимального централизм и всемерная опека над верующими в структурах консисторий давно были его заветной мечтой.

Лейзер, несомненно, еще не имел опыта работы в таком размере, как его земляк. Не доставало ему и столь большого авторитета. Но получив приглашение из Дрездена занять вакантное место суперинтенданта в Виттенберге, заторопился туда в 1577 г. разрешения своего нового государя герцога Людвига. В литературе часто подчеркивается его привязанность к старому месту службы, любовь паствы к своему проповеднику. Апокриф любви сопровождал его и его сверстников — и при жизни, и в посмертных элегиях. Разумеется, мы делаем поправку на «общее место» в мемории. Она была и формировала память. Но признательность паствы, исходя из опыта последующих лет, видимо, ощущалась уже тогда. Биографы говорят, что Лейзер неохотно покинул Австрию.

¹³ Подробней о деятельности Хунния в Гессене и особенно при дворе Людвига IV Гессен-Марбургского: Rudersdorf M. Ludwig IV von Hessen-Marburg 1537–1604. Landesteilungen und Luthertum in Hessen. Mainz, 1991.

Но зов из Дрездена, главной резиденции лютеранской Германии, конечно же, соблазнял перспективами.

Август I Саксонский, главный гарант религиозного мира и интересов единоверцев в Империи остро нуждался в профессиональных кадрах. Миграция в его земли вюртембергского пастората лишь подтверждала тенденцию: для строительства собственных прочных структур нужны были проверенные лица, а сам пасторат еще нуждался в насиженных гнездах. Перемещение глашатаев Св. Евангелия на просторах лютеранской Германии становилось закономерным и создавало исключительные возможности для самих духовных лиц.

Кроме того, в Саксонии только что закончилась чистка придворного аппарата от «криптокальвинистов», под которыми понимали сторонников давно покойного Меланхтона, склонявшихся к реформатской догме. В 1574 г. под влиянием ортодоксов, прежде всего надворного проповедника Георга Листения и своей супруги Анны дрезденский курфюрст обрушился на канцлера Кракова и его друзей. У него запало подозрение в оскорбительных демаршах против жены и в тайном намерении ввести в наследственных землях реформатский культ¹⁴. Особенно раздражало само отступничество Кракова — после стольких лет дружбы и исправного служения!

Пустоты, возникшие после чистки, быстро заполнились, но не хватало опытных управленцев на местах. Собственно рекомендация Лейзера уже свидетельствовала о признании того на родине и в глазах богословского мира Вюртемберга. Стать суперинтендантом в Виттенберге, в городе, где началось победное шествие Реформации! Для Лейзера то был

¹⁴Подробней об обстоятельствах низвержения «криптокальвинистов» в 1574 г.: Koch E. 1) *Der kursächsische Philippismus und seine Krise in den 60er und 70er Jahren // Reformierte Konfessionalisierung in Deutschland — das Problem der «zweiten» Reformation. Wissenschaftliches Symposium des Vereins für Reformationsgeschichte / Hrsg. von H. Schilling. Gütersloh, 1986. S. 60–78; 2) Ausbau, Gefährdung und Festigung der lutherischen Landeskirche von 1553: bis 1601 // Das Jahrhundert der Reformation in Sachsen. Festgabe zum 450jährigen Bestehen der evangelisch-lutherischen Landeskirche Sachsens / Hrsg. von H. Junghans. Evangelische Verlagsanstalt. Berlin, 1989. S. 195–223; Прокопьев А. Ю. Иоанн Георг I, курфюрст Саксонии (1585–1656). Власть и элита в конфессиональной Германии. СПб., 2011. С. 134–135.*

настоящий триумф. Наскоро закончив дела в Австрии он, уже доктором богословия, заторопился на север.

Не останавливаясь на деталях его первого саксонского периода, лишь отметим последовательность решений: карьерный прыжок довольно скоро подкрепился социальными узами. В 1580 г. Поликарп женился там же, в Виттенберге, и его избранницей стала далеко не последняя представительница местной городской элиты: дочь бургомистра и художника Елизавета Кранах. Заметим: прошло лишь три года с момента приглашения вюртембержца в Саксонию, а он же обзавелся семейным очагом, и вполне приличным. Брак явно указывал на два обстоятельства. С одной стороны, Лейзера весьма ценили и уже успели хорошо узнать. То был реверанс со стороны общества новой родины. Правда, здесь явно проглядывал корыстный сюжет: чин суперинтенданта столь престижного округа автоматически вводил его обладателя в высший придворно-административный свет курфюршества. Семейство Кранах получало дополнительный аргумент своего «достоинства»¹⁵. Но с другой стороны, выбор нашего героя говорил в пользу ясного намерения, если и не остаться навсегда на своей новой родине, то, во всяком случае, постараться задержаться в ней надолго. И в этом смысле мы получаем блестящее доказательство миграции как стратегии протестантского духовенства второй половины века. Из Вюртемберга уходили с малой надеждой вернуться назад и с большим желанием устроить будущее на чужбине. Создав семью в далекой Саксонии, магистр Поликарп обретал вторую точку опоры, и встречная протекция, на которую он надеялся, должна была стать решающим аргументом в успешной карьере.

Мы не хотели бы дробить частностями впечатление от его первого саксонского этапа. С административной точки зрения мы видим привычное желание укрепить и без того не страдавшие рыхлостью структуры евангелической церкви. Очевидны параллели с Хуннием, который в те же годы хлопотал приблизительно над тем же в гессенских землях. Формула Согласия

¹⁵ История и социальные позиции семьи Кранах в Виттенберге: Schade W. Die Malerfamilie Cranach. Dresden, 1974; Kühne H., Strehle J. Lucas Cranach der Ältere in Wittenberg. Wittenberg, 1993.

обязывала быть воплощенной на деле, одновременно с вычищением от последних элементов колеблющихся. Важным, однако, представляется прямая связь, установившаяся в те годы между талантливым богословом и его патроном-курфюрстом. Мы бы назвали эту связь диалогом власти и духовенства, насыщенным и значимым для тех лет. В Дрездене магистра Поликарпа ценили и уважали. Персонифицированные институты управления встречались с персонифицированной властью в лице правящей семьи. Напомним, в немецких землях кануна нового времени личностный окрас этих отношений сохранял исключительную значимость. Новые исследования, в том числе и по проблемам социальных коллизий кануна Реформации, лишь подчеркивают роль семейных и социальных уз между правительственными инстанциями разных уровней. Лейзер едва ли мог похвастаться столь же насыщенными связями с герцогским двором у себя на родине. Людвиг, конечно же, знал Лейзера, как и всех достойных питомцев тюрбингенской школы, но гораздо ближе его будет знать семья дрезденских Веттинов.

И в этом, на наш взгляд, будет крыться разгадка очень существенного сегмента в его творчестве. Тема духовенства и княжеской власти будет занимать в нем одно из центральных мест. Ни в Вюртемберге, ни тем более в Австрии Лейзер едва ли мог сыскать столь богатую пищу для размышлений. Резко персональная, очень авторизованная, как бы мы сказали, позиция правящей четы в отношении событий 1574 г., равно как и по общему комплексу богословских вопросов создавала колоритный портрет самой власти.

Второй толчок — и в этом же направлении — последовал после смерти уже овдовевшего саксонского патрона в 1586 г. Наследник его Христиан I столь же подчеркнуто, как отец, стремился соединить личную волю с общим внешним и внутренним курсом династии. И если отец (особенно в конце) придерживался ортодоксии, то сын с самого начала взял линию на прощение, поощрение и сближение с остатками кальвинистской партии. Появления нового канцлера, кальвиниста Николая Крелля, и поэтапный отход от принципов Формулы Согласия,

начиная с конца 1580-х гг. делали явным религиозный поворот в семье альбертинских Веттинов¹⁶. Лейзер, видимо, хорошо знал Крелля, как и новое окружение курфюрста. И едва ли питал иллюзии: кальвинистский переворот он не мог принять ни сердцем, ни разумом. В 1587 г. последовало приглашение возглавить городскую суперинтендатуру в Брауншвейге. Призыв весьма лестный, и Лейзер готов был откликнуться. Но лишь по воли нового государя и с разрешением сохранить место в Виттенберге. Здесь таился простой и верный расчет: наш герой, видимо, не хотел предстать алчным искателем должностей, меж тем, как его ортодоксальные воззрения уже тогда входили в острый конфликт со сторонниками реформатской доктрины в Дрездене. Лейзер явно хотел быть изгнанным, стать жертвой врагов чистого учения. Ответ Христиана соответствовал его намерениям: магистра Поликарпа увольняли со службы. В декабре 1587 г. он оставил Виттенберг и отправился в Брауншвейг. Так белое и черное в портрете самой дрезденской власти вновь соединятся вместе, чтобы создать новую почву к многословным рассуждениям спустя годы.

Но будет и триумф возвращения — в 1594 г., спустя три года после кончины Христиана и назначения регентства при особах малолетних наследников престола. Главными опекунами состояли близкие родственники дрезденской семьи: герцог Фридрих Вильгельм Веймарский и бранденбургский курфюрст. Роль же настоящего теневого советника, особенно в вопросах веры принадлежала вдове, Софии Бранденбургской. Именно вдова хлопотала о возвращении «жертв» гонений минувших лет. К тому времени, опередив своего друга, в Саксонии появился Эгидий Хунний. Уже с 1591 г. он приступит к реорганизации церковных структур, вероятно, с двойным одушевлением, с чувством реванша за неудачную и очень уж конфликтную миссию в Гессене. С этого момента и до конца своих дней Лейзер сохранит ключевое значение, все глубже вторгаясь

¹⁶ Подробней см.: Прокопьев А. Ю. Иоганн Георг I. С. 143–156; Prokopiev A. Johann Georg I., Kurfürst von Sachsen (1585–1656). Handlungsspielräume des sächsischen Kurfürsten im Dreissigjährigen Krieg // Historisches Jahrbuch. 2016. N 136. S. 423–424. Там же указана новая литература вопроса.

в интимное пространство владетельной семьи: вскоре он станет наставником у подрастающей поросли Веттинов, старшим надворным проповедником, а после кончины своего друга Хунния в 1603 г. — самой авторитетной фигурой из числа местных богословов¹⁷.

Саксония окончательно стала его второй родиной, хотя связей с первой он не потерял и, видимо, терять не собирался. Нам известно о его частых отлучках в Вюртемберг. Но гораздо важнее доступ, предоставленный ему в те годы в правительственные круги Вюртемберга и Саксонии. Лейзер действовал агентом в получении конфиденциальной и неофициальной информации. Он же был причастен к династическим партиям: заключенный в 1604 г. брак молодого герцога Иоганна Георга с дочерью Фридриха I Вюртембергского Сибиллой Елизаветой готовился, в том числе, и советами со стороны «своего человека» в Дрездене¹⁸. Таким «своим человеком», бесспорно, мог считаться магистр Поликарп.

Удивительный поворот в Фортуне! Если уход из Вюртемиберга создал почву к обретению нового пристанища в Дрездене, то тамошний успех обратным толчком придавал вес его позициям на родине. Умирая в 1610 г., наш герой вполне мог ощущать себя счастливым о двух отечествах. Но чем дальше он двигался по ступеням дрезденского придворного мира, тем неизбежней становилась итоговая встреча: носителей высшей власти с ним, питомцем тюрбингенского университета.

И чем дальше, тем насыщенней, сочней и ярче становился диалог между Лейзером и правящей семьей. Он становился настоящей доминантой в богословских суждениях и с годами обретал совершенно самостоятельную, подчеркнуто важную роль.

¹⁷ Prokopiev A. Johann Georg I. S. 425–429. Лейзер в качестве наставника детей покойного курфюрста Христиана I Христиана, Иоганна Георга и Августа: Прокопьев А. Ю. 1) Детская комната — основа государства? // *Albo dies notanda lapillo*. Коллеги и ученики — Г. Е. Лебедевой / Под ред. В. А. Якубского. СПб., 2005. С. 239–263; 2) Иоганн Георг I. С. 439–440.

¹⁸ Обстоятельства брака и участие в его подготовке Лейзера: Essergen U. Fürstinnen am kursächsischen Hof. Lebenskonzepte und Lebensläufe zwischen Familie // *Hof und Politik in der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts*. Leipziger Universitätsverlag. Leipzig, 2007. S. 226–228; Прокопьев А. Ю. Иоганн Георг I. С. 254–256.

Именно этот аспект его творчества хотелось бы поставить в фокус внимания — в полном осознании многогранности его публицистики и многогранности тем. Мы далеки от мысли пренебречь гомилистикой Лейзера или же хлопотами по систематизации повседневных треб. Но именно власть и вера, церковь и светский мир стали знаковыми и очень важными предметами анализа. В них весьма выпукло предстали характерные линии старолютеранской ортодоксии, протянувшиеся до времен С. Пуфендорфа и Х. Томазия.

Блок произведений нашего героя, затрагивавший проблемы власти, разный по жанру. Но именно многообразие убеждает в верности предмету. Речь идет, конечно же, о казуалиях, столь привычных конфессиональной эпохе. Рассуждения о политике и вере представлены в надгробных проповедях. Не перечисляя все тексты, остановимся на двух: памяти канцлера Давида Пайфера (или Пфайфера) 1602 г. и тайного советника Абрахама Бока 1603 г. Конечно же, именитый богослов по долгу службы обязан был открывать своими наставлениями сословные ассамблеи. Наиболее показательной мы бы выделили его проповедь по случаю открытия ландтага 1604 г. И, наконец, адресные толкования Св. Писания, формально выражавшие духовную волю паствы, в данном случае родственников правящего государя. Центральным и, пожалуй, исключительным для его творчества здесь будет комментарий 101 псалма, опубликованный в книжице 1605 г. под общим названием «Государева зеркала» («Regenten-Spiegel»). Эту последнюю работу мы бы осмелились выделить не только как самую объемную, но и как самую эмоциональную в творчестве Лейзера.

Начнем с надгробных проповедей. В них, впрочем, как и в большинстве других своих текстов, магистр Поликарп восхищается своим слогом — лаконичным, сочным, доступным. Еще раз отметим эту доступность, видимо, очаровавшую его слушателей, где бы он ни вещал — будь то софийский храм в Дрездене, наполненный придворными или же приходская церковь в Брауншвейге с толпой горожан-простолоудинов. Чем дальше, тем больше от поколения к поколению речь столичных служителей церкви разбавлялась пространством

многословием и витиеватостью фраз — в согласии с наступавшей эрой барокко. Но пока в Дрездене царила еще не остывшая напряженность религиозной борьбы и из уст целителей душ лился проникновенный, чистый по слогу ручеек внутренней искренности. Его трудно взлелеять нарочитостью, изяществом форм, долгой самодисциплиной. Его можно было лишь получить в наследство от тесного общения с паствой на сельских просторах и городских улицах Швабии и Австрии. Разумеется, мы не вправе забывать уроки наставников — и Якоба Андреа и Мартина Хемнитца, которого позже Лейзер всегда боготворил. Но сам по себе он был производным времени и необходимости. Надо было искать диалог с паствой, зачастую весьма агрессивной и ограниченной, и нужно было не притворяться в борьбе, иными словами, не стеснять себя чрезмерными рамками «придворной риторики». Что ее стремились избегать, не означало ее неведения: Лейзер и его современники прекрасно знали классические образцы, современную литературу и, конечно же, публицистические шедевры вражеского лагеря. Но именно в их скромной рецепции мы видим стратегию поведения, опыт расширить пространство коммуникации не за счет вертикали речевых конструкций, а за счет аудитории, ее наполняемости на смешанной основе. Горизонтальный вектор коммуникации слова у Лейзера был подчеркнута широк.

Добавим: Лейзер никогда не изменял риторическому стандарту. Он одинаково последовательно прилагался и к казуалиям для низшей знати, и к текстам для самой верхушки — к представителям семьи дрезденского курфюрста. Автор никогда не делал различия, и в этом коренилась, безусловно, его сила. Так конструировался образ твердого, неизменного стойка от Евангелия, для которого вторичен статус брэнной жизни, но никогда не безразлична миссия и ее успех. Статус умершего или здравствующего адресата — всегда лишь повод высветить, указать на причину, гораздо более глубокую, касавшуюся всех.

В проповеди памяти канцлера Пайфера мы видим развернутую картину учения о «трех чинах» (*Dreiständelehre*) — «церковном», «политическом» и «семейном». Уже предид-

словие рассеивает сомнения: речь пойдет не о смысле смерти и не о смертном грехе как ее первопричине — об этом почтенная паства уже имеет достаточное представление из каждодневных треб. Речь пойдет о том, для чего Господь посылает в помощники правителям способных советников, таких как ныне оплакиваемого покойного господина канцлера. Трактация распадается на три части: в первой пастырь рассуждает о причинах установления «политического чина» в этом мире. Во второй задается вопросом: для чего надобен способный правитель во главе этого чина. И в третьей — в чем заслуги покойного канцлера?

Тема и логика рассуждений стали уже привычными для лютеранской традиции той поры. Господь учредил три чина в людском общежитии. Семью для умножения рода, Церковь, дабы заполнить «разрыв» между земным и небесным после грехопадения, и «политический чин», чтобы управлять людьми на их благо и к целям вечного блаженства, т. е. помогать Церкви и «церковному чину». «Так Господь учредил третий чин, политическое светское правление, каковому надлежит быть стражем предыдущим двум, стало быть, отвращать зло от двух других чинов и, напротив, добро коренить как в домашнем, так и в церковном правлении»¹⁹. Все три чина уподоблены трем грациям, на мотив древних язычников: надлежит им «не таскать за волосы друг друга а идти под руку» и выказывать взаимное почтение, верность и дружбу.

И далее звучит замечательно сочная тирада, в которой угадывается откровенность лейзеровского слога: «Сие же вы не понимайте и не задумывайтесь над этим, оттого часто происходит, что теологи влезают в дела политиков, и наоборот политики в дела теологов, так что чинят друг другу много страданий и ущерба, так и норовят один у другого отнять кусок

¹⁹ Leiser P. Eine Christliche Predigt / Gehalten bei dem Begräbniss des Weiland Ehrenvesten / Grosachtbarn Hochgelahrten Herrn David Peifers / Des Rechten Doktors Chursäch. Geheimbten Raths und Canzlers / Welcher den 2. Februarii dieses 1602. Jahrs allhier zu Dresden in waren Glauben und Anruffung seines Erlösers unnd Seligmachers Jesu Christi / sanfft und seliglichen eingeschlafen / und hernach den 6. Februarii ehrlich zu Erden bestattet ist worden. Dresden, MDCII. В i. (Экземпляр Российской национальной библиотеки. Далее — РНБ).

и так искусывают друг друга, что разрывают и дробят вены и сосуды. И наоборот, коли оба чина по-дружески и мирно держались бы друг с другом, то много доброго из того бы простекло, и много чести и славы выказали бы они Богу и миру».

Лейзер предпочитает сосредоточиться именно на функциях светской власти. Следуют обширные рассуждения о ее обязанностях. Власть не может избавить подданных от тяжелого труда, болезней и смерти. Но обязана всячески хлопотать о порядке и мире между людьми. Если же власть не принуждает к этому, то «общий мир» — «gemeinen Lanfdriefen» — портится, и никто не чувствует себя в безопасности. Лейзер напоминает о печальных событиях в Венгрии и Нидерландах, где нет спокойствия и царит смута. «Тогда и пастырь на кафедре неуверенно стоит, думая, что не желал бы он подобно птичке попасться в капкан. И лишь когда этот мир потерян, начинают понимать истинность слов Писания, что всякий вкушает под своим виноградником и обретается под своим деревом, и питается своим куском хлеба и жажду утоляет из своего колодца²⁰. Лейзер воздает хвалу Всевышнему за нынешнюю власть в Саксонии, но тут же напоминает вновь слова апостола Павла об обязанностях «светского правления» поддерживать мир и порядок в отношениях между подданными. Из этой общей посылки проистекают у нашего автора еще две: долг бороться с праздностью, излишествами, поддерживать трудолюбие и благочестие. Причем в этой последней функции власть никоим образом не должна жестоко принуждать, как это происходит в соседних странах, изгоняя людей и отнимая у них имущество — у всех инаковерующих. «Нет, — восклицает магистр Поликарп, — таковое невозможно понять! Ибо благочестивая власть созидает фундамент чистой веры, проистекающей из посланий пророков и апостолов, каковую ничто не может сокрушить, крепит ее посредством пастырей для подданных и прочно ее придерживается, не позволяя никому по собственному разумению и сумасбродству о ней судить и других вводить в заблуждение. И выгоняя за то сумасбродных людей, и тем самым даруя возможность оставаться

²⁰ Leiser P. Eine Christliche Predigt... Biii.

церквам и школам в своей стране в мире и покое»²¹. Многие находят, что власть в том заходит слишком далеко, забывая, что обязанность ее — поддерживать два других чина, Богом установленных.

Тремя качествами должен был быть наделен добродетельный властитель: благочестием, строгостью и разумностью. И в этом последнем качестве правитель обязан хорошенько подумать, прежде чем позволить предаться удовольствиям жизни. И мудр не тот, кто напишет сотню указов, а тот, кто личным примером показывает истинную добродетель. И тот, кто постоянно заботится о порядке в своей стране и среди своих подданных. Лейзер обрушивает на собравшихся поток назиданий, в которых звучит главная мысль: правитель должен строго соответствовать тому, что завещано Писанием, дурные качества и дурное правление превращают его в тирана, а правление его делают тираническим.

И только после этих громоздких и ярких эманаций пастырь приступает к трактации жизни покойного канцлера. Она, конечно же, должна была соответствовать той парадигме, которая была представлена в начале проповеди: бескорыстный, знающий свое место, ревностный управленец, ни в чем и никогда не переступавший дозволенного его статусом, особенно в материях духовных. И в конце звучит приличествующая месту молитва, дабы Господь наделил подданных курфюрста столь же разумными и трудолюбивыми слугами. «Ибо, — вещал Лейзер, — что за ужасные и гибельные дела может сотворить иной вредоносный, кровожадный канцлер, то страна наша недавно уже познала». Намек прозрачен: речь шла о канцлере Крелле, правой руке покойного курфюрста Христиана, ревностного поборника кальвинистских преобразований — это именно тот, который, будучи «политиком», вмешивался в дела духовные. Биография Пайфера в этом смысле асимметрична образу казненного Крелля. Очевидно, что наш пастырь, подчеркивая справедливость и благочестие одного, молчаливо, но вполне понятно для слушателей, видел отсутствие этих качеств в другом. Таким образом, долгая дидактика

²¹ Leiser P. Eine Christliche Predigt... Biii.

единства в строгом соблюдении автономии политических и духовных сфер здесь обрела словно персональный окрас, личностное противостояние. Этот прием, риторически весьма выигрышный, постоянно встречался у Лейзера. Публика исподволь готовилась долгим прологом. В нем поначалу тяжело, библейскими притчами очерчивалась линия противостояния. В конце же она обретала прямые аналогии. Именно эта концовка обрамляет смысл всего сказанного.

В 1603 г. в Дрездене закончил свой жизненный путь неприемный, казалось бы, слуга курфюршеского Дома, скромный труженик канцелярии, имевший право голоса и состоявший в Тайном совете курфюрста Саксонии, дворянин с силезскими корнями Абрахам фон Бок. Умер вполне правоверный лютеранин, не соблазненный ядом кальвинизма, и в почтенных годах: покойному исполнилось 70. Проповедь типична по структуре: извлеченный текст Писания, близкий к сюжету, и его «экзордиум» сменяет трактация и «апликация», иными словами, отражение библейского смысла в образе умершего. Биография тогда еще не всегда последовательно выделялась в самостоятельный раздел. Только годы спустя мы видим отдельный очерк жизненного пути покойных в надгробных текстах. Здесь же вехи на бренной стезе лишь прикладываются к размышлениям о сути — о том, что говорит само Писание. Но потому так назидательно выглядит сам текст. И разумеется, здесь острее чувствовалось восприятие паствы, собравшейся у гроба.

Рассуждения о возрасте, сравнимом с возрастом пророков, словно бы подчеркивают линию заслуг покойного на ниве его повседневной рутины. Мы видим, как в перечне добродетелей автор незаметно переходит к главному: каждый из живущих обязан соответствовать своему статусу и должности, и труд тяжкий каждого в своем статусе на этой земле будет лучшей хвалой для Всевышнего. Далее Лейзер использует типичную для него оппозицию духовного и светского чина: и тому и другому нелегко вершить положенное по долгу, ибо множество препятствий встречается на пути, козни дурных людей, в более широком смысле — недруга рода человеческого. И даже если

труд успешен, то отнимает он слишком много сил. Не избавлен от этого ни честный пастырь, в поту и с противодействием врагов веры вершащий свой долг, ни сильные мира сего, подобно Давиду, встретившемуся на своем благочестивом поприще соперника в лице родного сына Авессалома. Каждый, в конце концов, обязан нести свой крест, не пытаясь сделать его тяжелей наложенного на него Господом.

Биография покойного советника выделяет его трудолюбие и готовность принимать на себя все положенные ему тяжкие дела повседневности. Чем ближе к концовке, том больше — и вполне понятно — уделяется духовной материи. Последний раздел обыгрывает вероисповедание господина Бока. Лейзер здесь отстаивает вопреки наветам лютеранскую веру покойного и, парируя укоры в плохом знании тем богословия, затрагивает проблему разделения властей: не дело человека в светском статусе вмешиваться в дела духовные и не его обязанность знать тонкости богословской материи. Гораздо важнее светскому чину на высокой должности показать себя добросовестным мастером на своем поприще. Опасность здесь именно в смешивании функций, в попытках мирянина заниматься разбором духовных вопросов, а духовенства проникать в административную сферу²². Советник Бок являл образец верного служения по своим обязанностям. Лейзер особенно подчеркивает: даже перед смертью покойный продолжал изнувать себя повседневной рутинной, разбирая акты канцелярии и даже присутствуя на выездной сессии надворного суда. Рассуждения на эту тему крупным текстовым блоком завершают саму проповедь.

Итак, светская власть отделена от власти духовной, хотя и стоит рядом и обязана пещься о той.

Несомненно, более развернуто и методично функции власти и церкви преподносились в проповеди на открытие ландтага 1602 г. Уже первые страницы красноречиво говорят

²² Leyser P. Christliche Predigt / Gehalten uber der Leich / des Weiland Gestrengen... Herrn Abraham Bocken / auff Klipp — und Saalhausen Welcher alhier zu Dresden den 6. Octobris des 1603. Jahrs... eingeschlaffen / und folgends den 17. Octobris alldar in S. Sophien Kirchen ehrlich zur Erden bestattet ist worden. Dresden, 1603. E. (Экземпляр РНБ).

об адресате и предмете. Адресат — сам курфюрст Христиан II, только что по исполнению совершеннолетия взявший бразды правления, предмет — сам государь как Божий слуга, его обязанности, прежде всего, в отношении служителей Св. Евангелия. Библейский текст, подлежащий трактации, предметно указывает на смысл дальнейших рассуждений: как благочестивым государям надлежит судить и править, дабы воздавать должное Богу и не забывать о мирских заботах.

Текст прекрасно структурирован. Лейзер открывает трактацию размышлениями о необходимости личной верности и стойкости государя в чистой вере, далее дается переход к отдельным функциям власти. Но поверх всего стоит требование всемерной поддержки лютеранского вероучения, самого духовенства. Чем дальше, тем больше мы видим прозрачные намеки: Лейзер не стесняясь говорит о тяжелых временах, о плохом содержании слуг Св. Евангелия, о необходимости уменьшить налоги, о дороговизне и развращении нравов. Призывы к скромности при дворе и бичевание дурной моды на роскошь занимают одно из центральных мест в его проповеди²³. Но все посылы исходят из главного: необходимости строго соблюдения закона и правильной поддержки институтов со стороны благочестивой, всемерно преданной вере власти.

Разумеется, Лейзер касался, прежде всего, нужд духовенства и благочестия народа: он детально описывает механизм успешного контроля над религиозной жизнью подданных и окормления слуг Св. Евангелия. Главными инструментами должны были быть строгие инспекции, визитации и выделение достойного содержания духовенства. Власть, таким образом, не должна вмешиваться напрямую в дела духовные, но всячески поддерживать их в надлежащем состоянии, о котором верно судить могут, главным образом, духовные лица и, конечно же, совесть самого государя. Так складывается картина идеального механизма управления, в основе которого духовное единомыслие, благочестие государя, его слуг, подданных и самих духовных лиц.

²³ Leiser P. Landtags Predigt: Gehalten zu Torgau / den 9. Decembris Anno MDCL. Leipzig, 1602. S. 17 et al. (Экземпляр РНБ).

Истинная вера и истинное благочестие требует создание надлежащей системы управления, которое само по себе должно быть рациональным в смысле служения общему благу. Здесь Лейзер неоднократно указывает на значение и опасность для «нынешнего двойного религиозного и регионального мира в империи» со стороны и открытых врагов и «кальвинистских практик»: мудрое, истинно христианское правление должно сберечь этот мир и в то же время быть готовым к борьбе с врагами Евангелия. А для успешной защиты необходимы своевременные запасы, созданные таким образом, что не будут в тягость подданным²⁴. И вновь звучит мотив, подчас скрытый, гармонии властей «трех чинов» на основах полной внутренней автономии и объединенных Божьей заповедью и верой. Риторика же поддержания «драгоценного мира» лишь подчеркивала необходимость подобной гармонии. Лейзер пишет: «В миру постоянно лезет один к другому в его должность. У папистов духовные господа желают служить на всех светских постах, вмешиваясь даже в дела военные. Но когда намериваются иезуиты или капуцины вести войну, то получается из того чудный итог, каковой ныне виден под Канишей²⁵. У нас же при Евангелии светская власть желает иметь директорий в делах религиозных. Мне ж, однако, думается, что эта страна уже хорошенько познала, что за польза и благо имелись бы, если политический (!) Крелль получил бы начальство в церкви и школах. О, какая то была хитрая и лукавая голова, при жизни не позволявшая себе публично влезать в дела духовные, но интригами и кознями тайными нанеся огромный ущерб, прежде чем смогли понять, что из сего выйдет, а если б все вышло, то не знали б как делу помочь и что присоветовать в такой беде.

²⁴ Leiser P. Landtags Predigt: Gehalten zu Torgau. S. 24–26, 29.

²⁵ Речь идет о венгерской крепости (ныне город в Венгрии Надьякнижа), взятой турками 20 октября 1600 г. во время т. н. «Долгой турецкой войны» 1593–1605 гг. между Османской империей и Габсбургами, поддержанными апостольским престолом. Двухкратные попытки христиан отбить крепость потерпели неудачу. Падение Каниши создало угрозу наследственным землям Габсбургов в Штирии и означало перелом в войне в неблагоприятную для католического Дома сторону.

Потому и порешил господь Иисус Христос в Евангелии: «Отдай кесареву кесарево, а Божье Богу»²⁶.

Образ «политического Крелля» — образ перевернутого мира с трагичными последствиями для подданных. Но разделение не означает отчуждение. «Не значит это, впрочем, что отделены они друг от друга, поскольку оба правления обязаны купно держаться и разбирать текущие дела совместно, лишь только чтобы в экспедиции и способе действия поступали бы они по различию в чине, по тому, что положено каждому из них. Ибо если следует понять пастыря, то кто лучше может это сделать, чем другой пастырь?»²⁷.

«Государево зеркало» словно бы завершало и венчало по объему и насыщенности слога цикл «политических» трактатов автора. Мы уже имели возможность подробно ознакомить читателя с содержанием этой книги. Здесь же лишь отметим: Лейзер не только подытожил в ней все наболевшее для него как для первого лица в духовной половине дрезденского двора. Он развернул перед слушателями и, прежде всего, перед семьей правящего курфюрста величественную панораму изъянов, гнездившихся в резиденции. Именно как отражение сущего мира текст Лейзера чрезвычайно важен своей «обратной реконструкцией». Духовник не только перечисляет и поясняет обязанности власти, не только очерчивает (в который раз!) сферу мирского и духовного, но и бешено бичует. Редко, где при протестантских резиденциях кануна Тридцатилетней войны мы могли бы сыскать аналог столь жесткой критики именно местных, вполне адресных пороков.

Во введении, где говорится о причинах побудивших взяться за перо, Лейзер среди прочих мотивов говорит и о дурных, легкомысленных речах, направленных против него с обвинениями во вмешательстве в мирские дела. Его-де величают «дрезденским или майссенским папой», что стоит он-де одной ногой в канцелярии, а другой на кафедре. «Прибыв ко двору, желал я только и исключительно справлять свой долг, не позволяя себе влезать кривым путем ни в чужие дела, ни в чужие

²⁶ Leiser P. Landtags Predigt: Gehalten zu Torgau. S. 35.

²⁷ Leiser P. Landtags Predigt: Gehalten zu Torgau. S. 35.

сферы... Ныне ж я нахожу, что поскольку некоторые дела смешанны по природе своей (mixtae), наполовину духовные, наполовину мирские, и по причине этого не столь быстро могут разрешаться, то часто стали говорить об обмирщении, до ушей мирян доходит, будто попы все хотят прибрать к своим рукам. И раздаются вредные речи, что якобы священники намерены всюду главенствовать и править»²⁸.

Лейзер не только повторяет ранее высказанные мысли, не только сопровождает их новыми комментариями, искусно встраивая их в ткань очень логичного, структурированного повествования. Он превращает диалог Власти и Церкви в персональную встречу: здесь его мир до предела сжат глубоко личностным противостоянием между собой, скромным слугой Св. Евангелия, и недругами при дворе. Надгробные речи не позволяли выстроить сугубо персональную композицию. Тема же и повод проповеди 1605 г. ломали прежние границы. Лейзер впервые столь задушевно и полно изливал свои мысли правящей династии.

Мы видим мироощущение духовного наставника тревожных лет рубежа веков. В нем последовательно отражалось недавно пережитое и ясно виднелись базовые теоретические постулаты, отклонение от которых, по мысли нашего героя, означало бы катастрофу. Единение «трех чинов», «трех граций» социального мира и, прежде всего, духовенства и власти призвано было помочь самой власти и подданным. Отчетливо ощущалась угроза извне (шаткий мир, кальвинистские козни), когда страна должна была предстать единым сплоченным монолитом. Основой единства, конечно же, выступало благочестие, верность власти «истинной» конфессии, но в его пределах всегда должно было сохраняться разграничение сфер. Лейзер постоянно подчеркивал эти границы, постоянно отрицал возможности и духовенства и мирского правления предстать лишь одной всепоглощающей доминантой. Соблюдение основополагающего различия предполагало единство в вере как первооснову.

²⁸ Leiser P. Regenten Spiegel / Gepredigt aus dem CI Psalm / des königlichen Propheten Davids / auff gehaltenem Lanftage zu Torgau / dießes 1605. Jahres / im Junio. Beneben zwo Predigten / die ander zum Beschluß des Landtags. Leipzig, 1605. Вв. (Экземпляр РНБ).

Насколько новыми были эти воззрения? Лейзер следует в целом главной линии учения «о трех чинах», в том системном виде, который сложился уже после Лютера. Едва ли здесь заметна решительная ломка старой аристотелевской традиции. За исключением аспекта священства клира и иерархии, Лейзер придерживается тезиса практического разделения властей в духе томистской доктрины. Он в целом скептичен относительно чрезмерного «директория» светской власти в делах духовных, равно как и отрицает обратное (на примере католической церкви). Для него важно разумное употребление полномочий в конкретных вопросах. Но залогом успеха всегда оставалось единство в вере, стерильная конфессиональная чистота власти и подданных.

Подобная линия будет развита в эпоху зрелой ортодоксии и, в конце концов, станет предметом долгих споров современников Я. Шпенера. Невозможность абсолютного единства в вере после 1648 г. столкнет мнение «территориалистов», придававших власти всю полноту полномочий в области церковной организации, и «коллегиалистов», в лице С. Пуфендорфа, Х. Томазия и Х. М. Пфаффа отстаивавших внутреннюю «духовную» автономию церкви, хотя и в осознании невозможности достижения конфессионального единства. Здесь, впрочем, подчеркивалась принципиально иная природа естественной структуры (светская власть) и духовной сферы (церковь)²⁹. Отрицание обоими направлениями точки зрения ортодоксии, особенно ее исходной посылки, лишь указывало на кончину духовного климата, создавшего ее, у истоков которого мы видим нашего героя с его пламенным словом и неутомимым пером.

Источники и литература

1. Лурье З. А. Лютеранский драматург в эпоху Реформации: Опыт коллективного портрета // Проблемы социальной истории

²⁹ Общий взгляд: Honecker M. 1) *Cura religionis Magistratus christiani. Studien zum Kirchenrecht im Luthertum des 17. Jahrhunderts insbesondere bei Johann Gerhard*. München, 1968. S. 80–82; 2) *Recht in der Kirche des Evangeliums*. Tübingen, 2008. S. 64.

- и культуры средних веков и раннего Нового времени. СПб., 2015. Вып. 12. С. 166–186.
2. Прокопьев А. Ю. Детская комната — основа государства? // *Albo dies notanda lapillo. Коллеги и ученики* — Г. Е. Лебедевой / Под ред. В. А. Якубского. СПб.: Издательство «Алетейя», 2005. С. 239–263.
  3. Прокопьев А. Ю. Иоганн Георг I, курфюрст Саксонии (1585–1656). Власть и элита в конфессиональной Германии. СПб.: Издательство СПбГУ, 2011. — 821 с.
  4. Прокопьев А. Ю. Сакральная миссия границы: Вюртемберг в конфессиональную эпоху // *Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени* / Под ред. Г. Е. Лебедевой. Вып. 9. СПб.: Издательство СПбГУ, 2012. С. 107–129.
  5. Blickle P. *Landschaften des Alten Reichs.* — München: C. H Beck, 1973. — 609 s.
  6. Ehmer H. *Württemberg // Die Territorien des Reichs im Zeitalter der Reformation und Konfessionalisierung. Land und Konfession 1500–1650. Bd 5.* Münster: Aschendorf, 1993. S. 173–177
  7. Ehmer H. Oslander, Lucas d.Ä // *Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon. Bd 6.* Herzberg: Bautz, 1993. Sp. 1299–1304.
  8. Essegern U. *Fürstinnen am kursächsischen Hof. Lebenskonzepte und Lebensläufe zwischen Familie, Hof und Politik in der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts.* — Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2007. — 524 s.
  9. Haug-Moritz G. *Die württembergische «Ehrbarkeit». Annäherungen an eine bürgerliche Machtelite der Frühen Neuzeit.* — Ostfildern: Thorbecke, 2003. — 135 s.
  10. Honecker M. *Cura religionis Magistratus christiani. Studien zum Kirchenrecht im Luthertum des 17. Jahrhunderts insbesondere bei Johann Gerhard.* — München: Claudius Verlag, 1968. — 249 s.
  11. Honecker M. *Recht in der Kirche des Evangeliums.* — Tübingen: Mohr Siebeck, 2008. — 545 s.
  12. Koch E. *Ausbau, Gefährdung und Festigung der lutherischen Landeskirche von 1553 bis 1601 // Das Jahrhundert der Reformation in Sachsen. Festgabe zum 450jährigen Bestehen der evangelisch-lutherischen Landeskirche Sachsens / Hrsg. von H. Junghans.* Berlin: Evangelische Verlagsanstalt, 1989. S. 195–223.
  13. Koch E. *Der kursächsische Philippismus und seine Krise in den 60er und 70er Jahren // Reformierte Konfessionalisierung in Deutschland — das Problem der «zweiten» Reformation. Wissenschaftliches Symposium des Vereins für Reformationsgeschichte / Hrsg. von H. Schilling.* Gütersloh: Gerd Mohn, 1986. S. 60–78.

14. Kühnle N. Vom «Armen Konrad» zum Tübinger Vertrag. Die württembergische Funktionseleite im Spannungsfeld von Landesherrschaft und «Gemeinem Mann» // «Armer Konrad» und Tübinger Vertrag im interregionalen Vergleich. Fürst, Funktionseleiten und «Gemeiner Mann» am Beginn der Neuzeit / Hrsg. von S. Hirbodian, R. Kretzschmar und A. Schindling. Stuttgart: Kohlhammer, 2016. S. 291–323.

15. Kühnle N., Auge O. Zwischen «Ehrbarkeit» und Landesherrschaft. Städtische Entwicklung im spätmittelalterlichen Württemberg // Zeitschrift für Württembergische Landesgeschichte. 2012. N 71. Stuttgart: Kohlhammer, 2012. S. 107–128.

16. Kühne H., Strehle J. Lucas Cranach der Ältere in Wittenberg. — Wittenberg: Drei Kastanien, 1993. — 58 s.

17. Leysler P. Christliche Predigt/ Gehalten uber der Leich / des Weiland Gestrengen ... Herrn Abraham Bocken / auff Klipp — und Saalhausen Welcher alhier zu Dresden den 6. Octobris des 1603. Jahrs... eingeschlaffen / und folgendts den 17. Octobris alldar in S. Sophien Kirchen ehrlich zur Erden bestattet ist worden. — Dresden: Stöckel, 1603. — 46 s.

18. Leiser P. Eine Christliche Predigt / Gehalten bei dem Begräbniss des Weiland Ehrenvesten / Grosachtbarn Hochgelahrten Herrn David Peifers / Des Rechten Doktorn Chursäch. Geheimbten Raths und Canzlern / Welcher den 2. Februarii dieses 1602. Jahrs allhier zu Dreßden in waren Glauben und Anruffung seines Erlösers unnd Seligmachers Jesu Christi / sanfft und seliglichen eingeschlaffen / und hernach den 6. Februarii ehrlich zu Erden bestattet ist worden. — Dresden: s. n., 1602. — 46 s.

19. Leiser P. Landtags Predigt: Gehalten zu Torgau / den 9. Decembris Anno MDCI. — Leipzig: Abraham Lamberg, 1602. — 27 s.

20. Leiser P. Regenten Spiegel / Gepredigt aus dem CI Psalm / des königlichen Propheten Davids / auff gehaltenem Lanftage zu Torgau / dießes 1605. Jahres / im Junio. Beneben zwo Predigten / die ander zum Beschluß des Landtags. — Leipzig: Abraham Lamberg. — 308 s.

21. Ludwig U. Philippismus und ordodoxes Luthertum an der Universität Wittenberg. Die Rolle Jacob Andreäs im lutherischen Konfessionalisierungsprozess Kursachsens (1576–1580). — Münster: Aschendorf, 2009. — 582 s.

22. Mahlmann Th. Hunnius Ägidius (1550–1603) // Theologische Realenzyklopädie. Bd 15. Berlin: De Gruyter, 1986. S. 703.

23. Marquardt E., Eschenburg Th. Geschichte Württembergs. — Stuttgart: De. Ver. An, 1985. — 428 s.

24. Matthias M. Theologie und Konfession. Der Beitrag von Ägidius Hunnius (1550–1603). Zur Entstehung einer lutherischen Religionskultur. — Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt, 2004. — 453 s.

25. Mecenseffy G. Maximilian II. in neuer Sicht // Jahrbuch der Gesellschaft für die Geschichte des Protestantismus in Österreich. Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt, 1976. Bd 92. S. 42–53.
26. Mertens D. Württemberg // Handbuch der baden-württembergischen Geschichte / Hrsg. von M. Schaab, H. Schwarzmaier. Bd 2. Stuttgart: KlettGotha, 1995. — 932 s.
27. Primus Truber. Der slowenische Reformator und Württemberg / Hrsg. von S. Lorenz, A. Schindling. — Stuttgart: Kohlhammer, 2011. — 452 s.
28. Prokopiev A. Johann Georg I, Kurfürst von Sachsen (1585–1656). Handlungsspielräume des sächsischen Kurfürsten im Dreissigjährigen Krieg // Historisches Jahrbuch. 2016. Bd 136. S. 407–450.
29. Rudersdorf M. Tübingen als Modell? Die Bedeutung Württembergs für die Vorgeschichte der kursächsischen Universitätsreform von 1580 // Zwischen Wissenschaft und Politik. Studien zur Universitätsgeschichte. Festschrift zum Eike Wolgast zum 65. Geburtstag / Hrsg. von A. Kohnle, F. Engehausen. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2001. S. 67–85.
30. Rudersdorf M. Maximilian II 1564–1576 // Die Kaiser der Neuzeit 1517–1918. München: Beck, 1990. S. 78–97.
31. Rudersdorf M. Ludwig IV von Hessen-Marburg 1537–1604. Landesteilungen und Luthertum in Hessen. — Mainz: Philipp von Zabern, 1991. — 321 s.
32. Schade W. Die Malerfamilie Cranach. — Dresden: VEB Verlag der Kunst, 1974. — 475 s.
33. Schneider J. Spätmittelalterlicher deutscher Niederadel. Ein landschaftlicher Vergleich. — Stuttgart: Hiersemann, 2003. — 630 s.
34. Sommer W. Politik, Theologie und Frömmigkeit im Luthertum der frühen Neuzeit. — Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1999. — 317 s.
35. Sommer W. Der Einfluss der Hofprediger auf die kursächsische Politik // Die sächsischen Kurfürsten während des Religionsfriedens von 1555 bis 1618 / Hrsg. von H. Junghans. Stuttgart: Franz Steiner, 2007. S. 297–310.
36. Sommer W. Die lutherischen Hofprediger in Dresden. Grundzüge ihrer Geschichte und Verkündigung im Kurfürstentum Sachsen.— Stuttgart: Franz Steiner, 2006. — 318 s.
37. Wagenmann B. Osiander // Realenzyklopädie für protestantische Theologie und Kirche. Bd 14. Leipzig: J. C. Hinrichs Buchhandlung, 1904. S. 509–512.
38. Weber R., Wehling H.-G. Geschichte Baden-Württembergs. — München: Beck, 2012. — 128 s.

39. Weismann Chr. Auf Kanzeln, Kathedern und in Kutschen. Jakob Andreae als Universitäts- und Kirchenpolitiker // Die Universität Tübingen zwischen Reformation und Dreißigjährigem Krieg / Hrsg. von U. Köpf, S. Lorenz, D. R. Bauer. Ostfildern: Thorbecke, 2010. S. 119–140.

40. Weller K., Weller A. Württembergische Geschichte im südwestdeutschen Raum. — Stuttgart, Theiss, 1972. — 400 s.

REFERENCES

1. Blickle P. (1973) *Landschaften des Alten Reichs*, München: C. H. Beck, 609 p.
2. Ehmer H. (1993) Württemberg, *Die Territorien des Reichs im Zeitalter der Reformation und Konfessionalisierung. Land und Konfession 1500–1650*, Münster: Aschendorf, vol. 5, pp. 173–177.
3. Ehmer H. (1993) Osiander Lucas d. Ä., *Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon*, Herzberg: Bautz, vol. 5, pp. 1299–1304.
4. Essegern U. (2007) *Fürstinnen am kursächsischen Hof. Lebenskonzepte und Lebensläufe zwischen Familie, Hof und Politik in der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts*, Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 524 p.
5. Haug-Moritz G. (2003) *Die württembergische «Ehrbarkeit». Annäherungen an eine bürgerliche Machtelite der Frühen Neuzeit*, Ostfildern: Thorbecke, 135 p.
6. Honecker M. (1968) *Cura religionis Magistratus christiani. Studien zum Kirchenrecht im Luthertum des 17. Jahrhunderts insbesondere bei Johann Gerhard*, München: Claudius Verlag, 249 p.
7. Honecker M. (2008) *Recht in der Kirche des Evangeliums*, Tübingen: Mohr Siebeck, 545 p.
8. Koch E. (1989) Ausbau, Gefährdung und Festigung der lutherischen Landeskirche von 1553 bis 1601, *Das Jahrhundert der Reformation in Sachsen. Festgabe zum 450jährigen Bestehen der evangelisch-lutherischen Landeskirche Sachsens* (Ed. H. Junghans), Berlin: Evangelische Verlagsanstalt, pp. 195–223.
9. Koch E. (1986) Der kursächsische Philippismus und seine Krise in den 60er und 70er Jahren, *Reformierte Konfessionalisierung in Deutschland — das Problem der «zweiten» Reformation. Wissenschaftliches Symposium des Vereins für Reformationsgeschichte* (Ed. H. Schilling), Gütersloh: Gerd Mohn, pp. 60–78.
10. Kühnle N. (2016) Vom «Armen Konrad» zum Tübinger Vertrag. Die württembergische Funktionselite im Spannungsfeld von Landesherrschaft und «Gemeinem Mann», «Armer Konrad» und Tübinger Vertrag im interregionalen Vergleich. *Fürst, Funktionse-*

liten und «Gemeiner Mann» am Beginn der Neuzeit (Eds S. Hirbodian, R. Kretzschmar, A. Schindling), Stuttgart: Kohlhammer, pp. 291–323.

11. Kühnle N., Auge O (2012) Zwischen «Ehrbarkeit» und Landesherrschaft. Städtische Entwicklung im spätmittelalterlichen Württemberg, *Zeitschrift für Württembergische Landesgeschichte*, vol. 71, pp. 107–128.

12. Kühne H., Strehle J (1993) *Lucas Cranach der Ältere in Wittenberg*, Wittenberg: Drei Kastanien, 58 p.

13. Leyser P. (1603) *Christliche Predigt / Gehalten uber der Leich / des Weiland Gestrengen... Herrn Abraham Bocken / auff Klipp — und Saalhausen Welcher alhier zu Dresden den 6. Octobris des 1603. Jahrs... eingeschlaffen / und folgendts den 17. Octobris alldar in S. Sophien Kirchen ehrlich zur Erden bestattet ist worden*, Dresden: Stöckel, 46 s.

14. Leiser P. (1602) *Eine Christliche Predigt / Gehalten bei dem Begräbniss des Weiland Ehrenvesten / Grosachtbarn Hochgelahrten Herrn David Peifers / Des Rechten Doktorn Chursäch. Geheimbten Raths und Canzlern / Welcher den 2. Februarii dieses 1602. Jahrs allhier zu Dreßden in waren Glauben und Anruffung seines Erlösers unnd Seligmachers Jesu Christi/ sanfft und seliglichen eingeschlaffen / und hernach den 6. Februarii ehrlich zu Erden bestattet ist worden*, Dresden: s. n., 46 p.

15. Leiser P. (1602) *Landtags Predigt: gehalten zu Torgau / den 9. Decembris Anno MDCI*, Leipzig: Abraham Lamberg, 27 p.

16. Leiser P. (1605) *Regenten Spiegel / Gepredigt aus dem CIPsalm / des königlichen Propheten Davids / auff gehaltenem Landtage zu Torgau / dießes 1605. Jahres / im Junio. Beneben zwo Predigten / die ander zum Beschluß des Landtags*, Leipzig: Abraham Lambergs, 308 s.

17. Lorenz S., Schindling A. (2011) *Primus Truber. Der slowenische Reformator und Württemberg*, Stuttgart: Kohlhammer, 452 p.

18. Ludwig U. (2009) *Philippismus und ordodoxes Luthertum an der Universität Wittenberg. Die Rolle Jacob Andreäs im lutherischen Konfessionalisierungsprozess Kursachsens (1576–1580)*, Münster: Aschendorf, 582 p.

19. Lurie Z. A. (2015) *Lyuteranskiy dramaturg v epokhu Reforma-tsii: Opyt kollektivnogo portreta [A Lutheran dramatist of the Reformation era: A collective portrait]*, *Problemy sotsial'noy istorii i kul'tury srednikh vekov i rannego Novogo vremeni*, Saint-Petersburg, vol. 12, pp. 166–186. (in Russian)

20. Mahlmann Th. (1986) Hunnius Ägidius (1550–1603), *Theologische Realenzyklopädie*, Berlin: De Gruyter, vol. 15, 703 p.

21. Marquardt E., Eschenburg Th. (1985) *Geschichte Württembergs*, Stuttgart: De. Ver. An, 428 p.

22. Matthias M. (2004) *Theologie und Konfession. Der Beitrag von Ägidius Hunnius (1550–1603) zur Entstehung einer lutherischen Religionskultur*, Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt, 453 p.

23. Mecenseffy G. (1976) Maximilian II. in neuer Sicht, *Jahrbuch der Gesellschaft für die Geschichte des Protestantismus in Österreich*, Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt, vol. 82, pp. 42–53.

24. Mertens D. (1995) Württemberg, *Handbuch der baden-württembergischen Geschichte* (Eds. M. Schaab, H. Schwarzmaier), Stuttgart: Klett -Gotha, vol. 2, 932 p.

25. Prokopiev A. (2005) Detskaja komnata — osnova gosudarstva? [Children room: was it a base for the state?], *Albo dies notanda lapillo*, St. Petersburg: Aleteja, pp. 239–263 (in Russian)

26. Prokopiev A. (2010) *Iogann Georg I (1585–1656), kurfyurst Saksonii: Vlast' i elita v konfessionalnoy Germanii [Johann Georg I (1585–1656), Elector of Saxony: The power and the elite in the confessional Germany]*, Saint-Petersburg: Izdatel'stvo SSPbGU, 820 p. (in Russian)

27. Prokopiev A. (2016) Johann Georg I, Kurfürst von Sachsen (1585–1656). Handlungsspielräume des sächsischen Kurfürsten im Dreissigjährigen Krieg, *Historisches Jahrbuch*, vol. 136, pp. 407–450.

28. Prokopiev A. (2012) Sakralnaya missiya granitsy: Württemberg v konfessionalnuyu epochu [The sacral role of borders: Württemberg in the confessional era], *Problemi sozialnoy istorii i kultury srednikh vekov i rannego Novogo vremeni*, Saint-Petersburg: Izdatel'stvo SSPbGU, vol. 9, pp. 10–129. (in Russian)

29. Rudersdorf M. (2001) Tübingen als Modell? Die Bedeutung Württembergs für die Vorgeschichte der kursächsischen Universitätsreform von 1580, *Zwischen Wissenschaft und Politik. Studien zur Universitätsgeschichte. Festschrift zum Eike Wolgast zum 65. Geburtstag* (Eds A. Kohnle, F. Engehausen), Stuttgart: Franz Steiner Verlag, pp. 67–85.

30. Rudersdorf M. (1990) Maximilian II 1564–1576, *Die Kaiser der Neuzeit 1517–1918*, München: Beck, p. 78–97.

31. Rudersdorf M. (1991) *Ludwig IV von Hessen-Marburg 1537–1604. Landesteilungen und Luthertum in Hessen*, Mainz: Philipp von Zabern, 321 p.

32. Schade W. (1974) *Die Malerfamilie Cranach*, Dresden:VEB Verlag der Kunst, 475 p.

33. Schneider J. (2003) *Spätmittelalterlicher deutscher Niederadel. Ein landschaftlicher Vergleich*, Stuttgart: Hiersemann, 630 p.

34. Sommer W. (1999), *Politik, Theologie und Frömmigkeit im Luthertum der frühen Neuzeit*, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 317 p.

35. Sommer W. (2007) Der Einfluss der Hofprediger auf die kur-sächsische Politik, *Die sächsischen Kurfürsten während des Religionsfriedens von 1555 bis 1618* (Ed. H. Junghans), Stuttgart: Franz Steiner, pp. 297–310.
36. Sommer W. (2006) *Die lutherischen Hofprediger in Dresden. Grundzüge ihrer Geschichte und Verkündigung im Kurfürstentum Sachsen*, Stuttgart: Franz Steiner, 318 p.
37. Wagenmann B. (1904), Osiander, *Realenzyklopädie für protestantische Theologie und Kirche*, Leipzig: J. C. Hinrichs Buchhandlung, vol. 14, pp. 509–512.
38. Weber R., Wehling H.-G. (2012) *Geschichte Baden-Württembergs*, München: Beck, 128 p.
39. Weismann Chr. (2010) Auf Kanzeln, Kathedern und in Kutschen. Jakob Andreae als Universitäts- und Kirchenpolitiker, *Die Universität Tübingen zwischen Reformation und Dreißigjährigem Krieg* (Eds U. Köpf, S. Lorenz, D. R. Bauer), Ostfildern: Thorbecke, pp. 119–140.
40. Weller K., Weller A. (1972) *Württembergische Geschichte im südwestdeutschen Raum*, Stuttgart, Theiss, 400 p.